

Глава 4. Скрытая в ответе

Сора была сбита поездом и убита.

Это была станция Китахирагава.

Одной возвращаясь домой со «Всемирной ярмарки игрушек», когда она пыталась пересест на высокоскоростной местный поезд на станции Китахирагава, она упала с платформы на рельсы, и из-за плохо выбранного времени её сбил приближающийся скорый поезд.

Они сказали, что это была мгновенная смерть.

Они не уверены точно, по какой причине она упала с платформы. Во время инцидента платформа не была особенно многолюдна, и по ней не так сильно прошёлся дождь, чтобы она могла соскользнуться. Выглядело так, будто её кто-то толкнул, и вроде бы, есть свидетельские показания.

Но мне всё равно.

Что с того, что я узнаю причину её смерти. Что с того, что узнаю, кто её убил.

Что бы это ни было, Сора просто не вернётся.

Всё так же, как семь лет назад. Сора, мои родители, они оба просто исчезли.

Мой мир тоже исчез.

◇

Похороны Сору Фусими состоялись в погребальном холле в городе.

Холл с высокими потолками. Аккуратно выстроенные в линию сиденья для сопровождающих лиц. Запах ладана, который пах непривычно.

Портрет Соры, окружённый бесчисленными цветами на алтаре, вырезка из фотографии, сделанная вместе с Момидзи, она нежно улыбалась.

Момидзи и я, а также мои бабушка с дедушка сидели на сидениях семьи погибших от мягкосердечия родителей Соры. Но даже так, оставалось ещё большое количество подготовленных стульев. Самих родственников было немного, а люди, которые заранее пообщались, едва разговаривали с родителями Соры.

В то время как сутра священника отозвалась эхом, началось поджигание благовоний общих сопровождающих. Выстроившись в линию к трибуне с благовониями, большинством людей были учащиеся, носившие форму восточной старшей школы Курихара.

В ослабшем состоянии от вкуса суровой реальности, доминирующей в моём разуме, прибывала не грусть или гнев, а сомнение касательно будущего карты предсказаний.

Я и сам прекрасно понимал, что это был «эскапизм». Но я не мог не думать об этом. Если бы я мог смириться со смертью Соры, что была прямо передо мной, я бы, наверное, развалился на части.

Именно. Сора — вот что было важно для меня. Нет ничего более расстраивающего, чем потеря Соры.

Если это так, то почему карта не предсказала, что Сора умрёт?

Смерть Соры гораздо более болезненна, чем моя смерть. Хотя я и был уверен, что появившееся на карте было предсказанием моей смерти. И потом, метод избежания этого «не ходи на свидание», в этом есть что-то странное. Не садись в поезд или отправься куда-нибудь ещё, — что угодно может сгодиться.

Когда было предсказано, что меня собьёт поезд и я умру, я не умер, — Сора была сбита поездом и умерла.

Как будто Сора послужила для меня заменой, так что ли?

—!

Я покачал головой и отринул ужасную мысль, которая на мгновение пришла в голову.

Тотчас, Момидзи, опустив взгляд на сиденье рядом со мной, неожиданно встала.

—

— ... Момидзи?

Не отвечая мне, она молча вышла из холла, несмотря на то, что Момидзи была посреди проведения церемонии.

Показав моему дедушке и бабушке остаться, которые уже наполовину поднялись на ноги, и поклонившись другим сопровождающим, я пошёл вслед за Момидзи и вышел из холла.

В отдалённой части погребального холла Момидзи забилась в угол сада.

Медленно подходя ближе, я понял, что она плачет.

— Момидзи. С тобой всё хорошо?

—Хик... . Б-братик.

Когда она выпустила крик, как потерявшийся ребёнок, найденный собственными родителями, она подошла и обняла меня. Пытаясь уткнуться лицом в мою грудь вот таким образом, она разрыдалась.

Сора была как настоящая сестра Момидзи. Во время церемонии она, наверное, всё время сдерживала слёзы. При том что ей не нужно было терпеть.

— Прости.... Хотя это... Хик ... так сложно, для тебя, братик...

— Это не так. Момидзи, плакать — нормально.

Она переживала за меня, пока плакала. Она действительно выросла доброй девочкой. И это, безусловно, заслуга Соры.

Я погладил по спине мою мужественную младшую сестрёнку, вложив в это столько нежности насколько это возможно.

◇

Дождавшись, пока Момидзи успокоится, мы вместе вернулись на церемонию в погребальный

холл. Судя по очереди из общих сопровождающих, казалось, что большинство уже подожгли ладан.

Перед погребальным холлом была слегка приоткрытая комната, где собрались те, кто закончил поджигать ладан. Среди них я увидел лицо кое-кого, кого я знал.

Похоже, что он тоже заметил меня, и подошёл ко мне, пока он махал рукой.

— Йо, Нацухико. А это твоя младшая сестрёнка?

У Акито не было обычной бодрости, он показывал неуклюжую улыбку.

В его взгляде не было сочувственного оттенка, что делало меня счастливым.

— Ты пришёл, Акито.

— Конечно. ... А младшая сестрёнка, насколько я знаю по твоим рассказам, она Момидзи-тян, правильно? Рад встрече.

— ...

Момидзи осторожна с людьми, которых встречает первый раз, поэтому она быстро спряталась за мной.

— Ну вот. Ты меня ненавидишь?

Горько улыбаясь, Акито не выглядел слишком обеспокоенным.

Затем я заметил бинты, обмотанные вокруг его руки.

— Акито. Что случилось с твоей рукой?

— М-м? Ага, эм, погодь. Перед этим... — Акито повернулся ко мне лицом и сморщил лоб от беспокойства. — Нацухико, ты в порядке? У тебя лицо немного покраснело.

— Оу, ага. Я слегка простудился. Но я в порядке.

Этим утром я проснулся ошалевшим, и когда я проверил свою температуру, у меня была небольшая температура.

Возможно, потому, что я бежал во время сильного дождя, я не высох достаточно хорошо.

— Не переусердствуй, лады?

— Спасибо. Но, как будто тебе одному говорить такое, Акито, у тебя самого мешки под глазами.

— И то верно. Это было довольно тяжело для меня, — Акито вздохнул и посмотрел в сторону погребального холла. — Честно говоря, я ничего не чувствую. Всего несколько дней назад я разговаривал с ней. И на том хорошо, сегодня это как-то так. Когда мы завтра пойдём в школу, я знаю, что мы будем болтать как обычно, но в то же время я знаю, что это неправда... Я просто растеряпа. Весь эдак размякший... вот о чём я думал, прошлой ночью я вообще не спал.

В глазах Акито, когда он опустил голову, собирались слёзы.

— Это паршиво... Я отвратительный, не правда ли?

Не только Момидзи. Даже Акито тяжело. Родители Сору, мои бабушка с дедушкой, много людей, на которых повлияла Сора, все они сбиты с толку удивлением и печалью.

Мы не должны были терять Сору. Её исчезновение — конец света. И хотя это невероятно маленький масштаб, обычная жизнь мира нарушена, и её восстановление займёт невероятное количество времени.

А потому я не понимаю, почему это не было предсказано картой.

— Почти время для кремации, — сказал Акито, глядя на свои наручные часы. — Нацухико, ты будешь на кремации?

— Ага. Хотя такое по правде только для родственников. Но родители Сору позволили.

— Понятно. Ну, тогда, прошу... скажи Фусими что-нибудь для меня.

Я кивнул, хотя не стал спрашивать «что».

Я попрощался с Акито и повёл Момидзи обратно в погребальный холл. После этого, встав поближе к родителям Сору и её немногочисленным родственникам, мы стали свидетелями кремации.

Гроб, в котором хранились останки Сору, никогда не открывали, даже перед кремацией.

Её прах хранился в погребальной урне. Глаза каждого наполнились слезами, Момидзи цеплялась за мою спину, как будто никто из окружающих её не слышал, она рыдала.

Во время этой процессии я чувствовал, что моё сердце страстно вожделело.

Я смотрел на Сору, которая стала всего-навсего костями и пеплом. Я знал, что погребальная урна, в которой они находились, была маленькой.

Без эмоциональной встряски, слёзы не оставили меня.

Не сомневаюсь, что-то важное внутри меня, вероятно, умерло вместе с Сорой.

Вот о чём я думал.

На следующий день.

Я проснулся в то же время, как обычно, и пошёл в школу так же, как обычно.

Хоть моя бабушка и сказала мне, что я сегодня могу взять отгул от школы, но если я возьму его сейчас, станет только действительно труднее. Поскольку за моё обучение платят мои бабушка с дедушкой, мне было бы жалко, если я недостаточно буду посещать школу, — вот как я себя чувствовал.

Но когда я вошёл в класс, совсем немного, но я пожалел, что не взял отгул.

Все смотрели на меня. Смотрели на меня глазами, словно я жалостное дитя. Сидевший позади меня паренёк, который всегда дружелюбно со мной здоровался, и которому я сказал: «Доброе утро», отвернулся, с таким выражением лица, будто он пересёкся с приведением.

Разумеется, это было потому что они не знали, как им вести себя со мной.

Мне понятно это чувство. Потому что я был мальчиком, который только-только потерял в результате несчастного случая мою подругу детства, которую я знал всю свою жизнь, и которая стала моей девушкой всего несколько дней назад. С другой стороны, даже я не знал, какое лицо и голос у меня сейчас получились.

Я пожалел, с таким чувством, будто я натворил что-то плохое.

Из-за меня в мгновение ока в классе стало угрюмей. Он медленно умолк, настолько, что напоминал мне о вчерашних похоронах.

Учитель, который, наконец, вошёл в класс, тоже посмотрел на меня и открыл рот, чтобы попытаться что-нибудь сказать, но он ничего не мог придумать, отстал от меня и начал занятие в классе.

С большой осторожностью ко мне вообще никто не подходил.

По правде, я чувствовал себя так, будто стал приведением.

Посреди этого единственным человеком, который относился ко мне с таким же отношением, как и прежде, был Акито.

— Здоров, Нацухико. Хочешь сгоняться куда-нибудь после школы?

Обед. Мы вместе обедали в классе.

— Давай. А как же тренировка в футбольном клубе?

— Её нету. После экзаменационное освобождение. Оно закончится через неделю.

Акито, показывал свою радость около-танцевальными движениями. Это что ж получается, он ненавидит тренировки?

— Прикинь, на противоположной стороне станции Хатиодзи огромный домоцентр, ты знал? Там работает один из моих друзей из средней школы, он рассказал мне о чём-то таком раньше.

— А-а, если я правильно помню, их продукция начала исчезать сама по себе.

п/п: «... начала исчезать сама по себе», — хы-хы, ну вы сечёте как она исчезала, да?

— Ага, оно самое. Ну, походу, в последнее время такого не происходило. Короче, рядом с этим домоцентром есть кафешка. Мой друган дал мне бесплатный купон, мы можем принести туда кофе, а по дороге домой остановиться в игровом центре. Ну чё?

— Игровой центр, м-да... а что, давно мы уже там не были.

— Правильно, вот и порешали!

Весёлая улыбка Акито меня тоже зацепила, и я улыбнулся.

Настало послешкольное время, Акито и я собрались побыстрее свалить.

— Ну погнали, Нацухико.

— Ах, конечно. Но... погоди секунду.

Я окликнул Акито, собиравшегося выйти из класса в приподнятом настроении, чтобы тот притормозил.

— Чё такое?

— Эм... мы можем выйти сегодня через задние ворота?

— Да мне как-то всё равно... Но почему?

Я сказал, это, и указал на главные ворота из окна классной комнаты.

На окраине главных ворот были скопления людей, которые явно не были учителями или учащимися. Держа большие камеры, люди устанавливали микрофоны на конце слишком длинных палок.

— Чего это они? Какое-то интервью?

— Я так думаю, что эти люди, скорее всего, ждут меня.

Акито безучастно смотрел рядом со мной.

— Я не рассказывал тебе. О моих родителях...

Пока мы шли по школе к задним воротам, я рассказал Акито о ДТП, произошедшем семь лет назад.

— Они твердят, что это отличается, они твердят, что это достойно освещения в новостях, из-за подобного инцидента есть люди, которые приходят ко мне взять у меня интервью даже сейчас. Потому, что кое-кто ещё... близкий мне человек был вовлечен в инцидент, после судебного процесса, вот что я думаю.

Я не знаю, как общество узнало об аварии Соры. С тех пор я не смотрел телевизор, не читал газет. Этим утром дедушка не читал газету после завтрака, возможно, потому, что могла появиться статья про Сору.

— Думаю, ты не заметили. Рядом с погребальным холлом тоже были люди, СМИ.

— Нет... я вообще не заметил, — Акито сказал с серьёзным лицом, он посмотрел вдаль и цокнул языком. — Я и не знал... Да и вообще, почему они пришли к тебе, Нацухико? Они хотят тебя о чём-то спросить? Они же только открывают рану ..

— Ну, я тоже не знаю. Потому что вслед за моими родителями они, вероятно, хотят, чтобы «Мальчик, несущий несчастье» появился в журнале.

Я пошутил, Акито сказал:

— Нацухико! — с серьёзным лицом он схватил меня за плечи. — Ты не делаешь меня несчастным!

— А-Акито?

— Мне хоть это и не нравится, но я скажу это сейчас. Ладно? Я бы хотел иметь твою силу. Я хочу защитить тебя. Мы друзья. Поэтому... позволь мне сделать это.

У Акито были слёзы на глазах, но он говорил с улыбкой.

— ... Спасибо, Акито.

— Не нужно меня благодарить. ... Ну, это, я, хе-хе. Я чутка стесняюсь, — щёки покраснели, он неуклюже почесал лицо. — В любом случае, давай поторопимся. Видимо, нам придётся пройти через задние ворота, если мы не уйдём по-быстрому.

— Ок. Правильно.

Начав понемногу бежать, мы выбрали своей целью задние ворота.

Дружба с Акито делает меня очень радостным.

Потому что я подумал, что я не одинок.

Возможно, я мог быть немного небрежен.

Прошлой ночью предсказание, которое появилось на карте, было таким: из-за того, что СМИ поджидали меня за главными воротами, мне надо было пойти домой через задние ворота, — это были детали.

Итак, я послушал это предсказание и вышел вместе с Акито через задние ворота.

Вот только событие, предсказанное на карте, является самым несчастным инцидентом, который произойдёт на следующий день, и в данном случае это не означает, что если я не допущу его появления, то не произойдёт другой несчастный инцидент.

Дело в том, что проведя некоторое время в игровом центре с Акито, когда мы прогуливались куда глаза глядят, при этом подшучивая, человек, с которым мы пересеклись, преподал мне этот урок.

— Здравствуй. Нацухико Сидо-кун. Выглядишь так, будто у тебя всё хорошо.

Дзиро Асаи.

Его небритое лицо в помятом костюме — корреспондент журнала для издательской фирмы — он прислонился к телефонному столбу возле игрового центра.

— ... Что же это, засаду устроили.

— Ты слишком себя накручиваешь. Это просто совпадение, просто совпадение.

Ку-ку-ку, — обнажая отвратительную улыбку, сказал Асаи в вялой осанке.

Что-то это кажется странным.

— Чего надобно?

Он, наверное, догадался из моего отношения. И пытаюсь оградить меня, Акито встал передо мной.

Асаи, словно он и не видел Акито, уставился на меня враждебными глазами.

— Я слышал об этом, Нацухико-кун. Разве твоя девушка не умерла? Вот ведь не повезло, да?

— Что сказал, урод!?

— Акито! Подожди! Всё нормально!

Я удержал Акито, который поднял крепко сжатый кулак. Я был счастлив, что он взбесился за меня, но что более важно, я беспокоился за Асаи.

У меня определённо не было хорошего впечатления насчёт Дзиро Асаи, но мне казалось, что он человек, который осознаёт самую низкую планку для журналистов. Несмотря на то, что на днях его желание мести иссякло, его целью было исключительно освещение новостей, так что мне не стоит волноваться.

А потому, я ощутил неприятное чувство в поведении Асаи до сегодняшнего дня.

— Асаи-сан. Что вы от меня хотели? Вы снова хотели поговорить со мной о новостях?

— Разве я не сказал, что это совпадение? Как бы то ни было, я больше не буду это освещать.

Пока Асаи ухмыльнулся, он подошёл к нам на шаг. Когда он это сделал, я учуял кое-что противное.

— Ух ё! От вас несёт спиртным!

Заорал Акито и заткнул свой нос. От сильного запаха спиртного, разившего от всего тела Асаи, я прикрыл как рот, так и нос.

Присмотревшись, ноги Асаи пошатывались, а из кармана его пиджака выглядывала небольшая бутылка виски. В такое время, когда день уже наконец подходил к концу, я мог легко догадаться, что он, должно быть, утопал в алкоголе ещё до заката, и пил до тех пор, пока он не напился до такой степени.

— Что? А? Ты ненавидишь пить?

Когда его тело наклонилось по диагонали, глупо смеясь, в глазах Асаи не было резкости корреспондента или проблеска мести, — они выглядели так, будто они лишь были обрызганы грязью.

— Освещать в новостях, хах, так вы какой-то газетный корреспондент?

Стоя напротив него, сдерживая его сильным тоном, в глазах Акито мерцало враждебное отношение.

— Не повезло. Я больше не корреспондент. Из-за...

Пока он говорил, Асаи вытащил свёрнутую книгу из кармана пиджака.

— ... Этого парня!

Как будто он выплюнул провокацию, он изо всех сил бросил её на землю.

Проходящие мимо люди заметили признаки заварушки, остановились и посмотрели на нас.

— Это...

Я не мог оторвать глаза от тонкой книги в мягком переплёте.

На обложке был портрет мужчины, которого я помню, а также...

Я прочитал крупное название «Ошибки».

— Ага. Тюремные мемуары Ицуки Синдо, трагического, популярного молодого актёра.

Я не видел выражения лица Асаи, в говоре которого была смешана сумасшедшая улыбка.

— Ицуки, Синдо... Нацухико.

Я тоже не видел выражения лица Акито, оборачивающегося ко мне, защищаемый позади него.

Я просто глазел на человека, которого видел только по телевизору, на портрет человека, который убил моих родителей.

... Не надо меня больше преследовать.

Я думал так от всего сердца.

Ни гнева, ни грусти, — во мне ничего не возникло. Я ничего не чувствовал.

В конце концов, это потому, что моё сердце уже переполнено. Если я приму ещё, мне придётся выбросить то, что я держу сейчас. Я просто не хочу больше терять.

Было бы замечательно, пропади оно всё пропадом. Гнев, грусть, всё...

— Нацухико, не сдавайся.

Крупная ладонь Акито схватила меня за руку.

Я поднял глаза, Акито, улыбка моего друга была здесь.

... Я рад. Я больше не одинок.

Мой страх потери, вероятно, есть доказательство того, почему важные вещи остаются в моей хватке.

— Я вспомнил. Ты должно быть Дзиро Асаи.

Повернувшись к Асаи, который смотрел только на меня свирепым взглядом, его взор впервые передвинулся.

— Не так давно я увидел одни новости в интернете. Я подзабыл твоё имя, но ты проник на собрание по организации какого-то правозащитного движения, ты корреспондент журнала, который вызвал шумиху и избил участника. Это же ты, не так ли?

— Правозащитное движение? Не смейся меня. Защищать убийцу теперь гуманно?!

Встав напротив Акито, который занял твёрдую позицию, и дав ответную реплику криком, Асаи согнул спину, отвернув своё лицо, в глазах любого он выглядел как малообеспеченный человек.

— Эти люди — друзья убийцы! Они пытались выпустить в общество зверя по имени Ицуки Синдо!

Я вспомнил, что сам Асаи говорил раньше.

Он говорил, что фанаты организации Ицуки Синдо сосредоточились на том, чтобы подать запрос на уменьшение наказания для Синдо. И то, куда проник Асаи, было собрание этой организации.

— Какое-то там... апелляционное движение-по-уменьшению-наказания, вот что это было! Я мог

избить одного или двух, но я вот что скажу тебе, эти люди ошибаются! Каждый порою совершает небольшие «ошибки»! Ну бросьте, ребят, это ж фигня!

Мои уши перестали работать. Слова Асаи были моими же словами. Я и сам знал, что у меня есть толика симпатии к Асаи. Ор Асаи призывал ещё кое-кого, кто был внутри меня, и это было страшно.

— Если они защищают убийцу Синдо, то эти люди подчиняются Синдо! Я прав! Я только пытаюсь осудить преступников! И всё же... моя компания уволила меня, мир — союзник Синдо! Я всего лишь... правильный поступок... преступникам...

— ... Если интерпретировать «преступник», то ты такой же, как они.

— Заткнись!

В то время как вылетел плевок, Асаи не принял точку зрения Акито. Может выкрикивая, из-за эмоционального волнения он слишком сильно прикусил свой рот, и красная кровь смешалась с прилипшему к земле плевку.

— Нацухико-кун... для тебя это что-нибудь значит?

Внезапно восстанавливая самообладание, Асаи заговорил смягчающим голосом.

Глаза Асаи смотрели в мои глаза. Глаза без роста. Зрачки запятнались гневом.

— Ты не можешь простить плохого человека, такого как Ицуки Синдо. Мы должны дать ему подобающее возмездие. Правильно? Ради твоих родителей, ради моей... дочери тоже.

Асаи улыбнулся. Протянув руку, пока он улыбался, я отступил на шаг.

... Подобающее возмездие. Правильно. Я должен дать возмездие Синдо.

Я покачал головой. Я избавился от этой ужасающей мысли.

Я пытаюсь взять Асаи за руку. Я сдаюсь перед мщением.

Это ужасно.

— ... Хватит!

Острая угроза Акито привела меня в чувство, Асаи застыл.

— Без понятия, что у тебя случилось, но перестань пытаться заставить Нацухико быть на твоей стороне! Ты и Нацухико разные!

Асаи открыл свой рот, чтобы ответить, но Акито не позволил ему.

— Нацухико отчаянно сражается! Несмотря на то, что случилось нечто грустное, он усердно работал, чтобы продолжать двигаться, прежде чем он с усилием пришёл сегодня в школу! Да кто ты такой по сравнению с ним?! Ты настаиваешь, что поступил правильно, но ты просто стараешься игнорировать тот факт, что ты не можешь двигаться дальше!

— Х... Хватит вести себя так, будто ты всё знаешь!

Крича, как будто он выжил из ума, Асаи попытался схватить Акито. Однако Акито увернулся от его руки и вместо этого схватил Асаи за шею, толкая его спину к телефонному столбу.

— Скажи это ещё, старичок. Хватит ввязывать моего друга в твою месть. А если не перестанешь... .. то как насчёт того, чтобы я дал его тебе? Твоё подобающее возмездие?

Акито приблизил своё лицо к Асаи и сказал низким голосом, которого мне никогда не доводилось слышать раньше.

— Гух! О-отпусти!

В замешательстве и растерянности Асаи оттолкнул от себя Акито, невнятно балаболя, он выплюнул несколько страшноватых ругательств и ушёл нетвёрдым шагом.

— Боже-шь ты мой... испугался того, что ему угрожает подросток.

Хлопнув по руке, которая схватила затылок Асаи, Акито шокировано пробормотал. Проходящие мимо люди, которые до сего момента смотрели на нас, теперь разбрелись и лыбились: «Звиняяйте. Нормааально».

У меня не оставалось места для осмотра, так что присев на корточки, я поднял то, что оставил Асаи. Книга под названием «Ошибки», написанная человеком, который убил моих родителей.

— Нацухико, это...

Акито говорил с обеспокоенным выражением, ага, я кивнул, мои глаза упали на лицевую обложку.

Интересно, когда была сделана эта фотография Ицуки Синдо? Раз он выглядит намного худее, чем лицо, которое я видел по телеку, оно могло быть сделано после его заключения.

Хотя книга должна быть новой, она изрядно поношена. Задняя обложка согнута взад-вперёд, тёмные пятна кофе или чего-то такого, прилипшие к ней тут и там. Образ Асаи всплыл у меня в голове, он сетовал пока читал её, и разозлившись кидал книгу, которую ему дали.

— Ты собираешься читать её?

Я покачал головой на вопрос Акито.

Вероятно, мне понадобится целая вечность, чтобы попытаться перевернуть страницы. Я не хочу знать о человеке, которого я должен ненавидеть, который заявляет, что даже не раскаивается, несмотря на тот факт, что он неправ — это не то чувство, которое я испытываю.

Если бы я прочитал её, я бы точно встал на ту же сторону, что и Дзиро Асаи.

Хотя я не чувствую, что двигаюсь вперёд, я не хотел предавать чувства Акито, заявившего, что я не такой, как Асаи. Вот почему я не буду читать эту книгу.

— Если ты не собираешься читать её, отдай её мне.

— Э? Тебе, Акито?

— Ага. Я избавлюсь от неё. Мы не можем просто взять и оставить её здесь. Эта книга по сути переработанный мусор. Переработанный мусор.

Мусор, — подчеркнув это слово, Акито взял книгу из моих рук и сунул её в свою сумку, не поглядывая ни влево, ни вправо.

— Спасибо, Акито.

Я и не знаю, как я могу отблагодарить тебя в полной мере.

— Слушай. В последнее время люди, которые заботятся об окружающей среде, становятся всё более популярными, не думаешь?

Когда он сказал про объект для шуток, Акито почесал нос. Это преувеличенное действие, которое он делает, когда скрывает свою стеснительность.

... Самое большое различие между Дзиро Асаи и мной в том, что рядом со мной есть такой

друг, как Акито.

По дороге домой, пока Акито подшучивал, это было тем, во что я верил.

Передо мной была одна карта.

На моём столе, с нарисованными на поверхности необычными узорами.

Карта предсказывающая будущее. Карта, которая приносит мне мир.

Но карта, которая не предсказала мне... её самую несчастную смерть.

Сомнение. Недоверие. Сдерживая эти чувства, я переворачиваю карту.

Затем я руководствуюсь средствами, для избежания написанного в неё несчастья.

Я задаюсь вопросом, безупречны ли предсказания будущего этой карты? Вероятнее всего, в методе избежания несчастья ошибок нет. Маки-тян сказала, что есть какая-то цена.

Я думал только об этом факте. Я думал, лихорадочно.

Чтобы не думать о человеке, который исчез на моих глазах, я посмотрел на карту перед своими глазами.

Утром я иду в школу. Я схожу с автобуса на станции Хатиодзи. На подсознательном уровне осматриваю привокзальную площадь, я понимаю, что ищу там кого-то. Неважно, как старательно я высматриваю, я вспомнил действительность: её больше нет.

Я убегая от неё. Я не хочу вступать в борьбу с правдой. Поскольку мне не справиться с этой суровой реальностью, я думаю только о карте и убегая оттуда.

Что же это?

Я неуравновешен, как будто я хожу по канату.

Наличие карты похоже на длинный шест, удерживающий меня в балансе на колеблющемся канате.

Если этот шест выпадет, следом упаду я.

Если это произойдёт, я не смогу во второй раз вернуться на канат.

Именно из-за этого, несмотря на мои сомнения, я продолжаю переворачивать карту.

Ноябрь закончился.

Приветствуя декабрь, холод стал более суровым, я вынул перчатки из моего шкафа.

Потому что человек, который держал мои руки и согревал их, умер.

Сора, она...

Карта. Я продолжаю использовать предсказания карты.

Последние несколько дней предсказывалось только несчастье, связанное со СМИ. Благодаря ей я снова сделал так, что медийные службы не передавали мне микрофон.

В школе начинались выпускные экзамены, относительно экзаменационного расписания не было несчастия, на поверхности мирные дни продолжались. События, которое, как может показаться, относится к цене за предсказание будущего, до сих пор не было.

Просто, как в классе, так и в клубе, я чувствовал, что между мной и окружающими меня людьми проступает дистанция. Как будто все думают, что если они приблизятся ко мне, они заразятся несчастьем, они лишь смотрят на меня сострадательными глазами с расстояния. Я чувствовал, как будто я чужак для всех и вся.

И затем мне внезапно позвонили в тот день.

Трудный экзамен по математике закончился, все в классе устроили передышку, и это случилось в эту перемену.

Сработал мой телефон. Это был телефонный звонок от моей бабушки.

— Да, алло? Бабуль? Чего это т... .. а?

Моя бабушка, которая обычная общается мягким и простым говором, рассказала мне информацию редким поспешным тоном, когда она так говорила, я издал сильный шум и вскочил со стула.

— Пострадала!? Момидзи!?

Момидзи пострадала в начальной школе, её доставили в больницу.

Я расспросил бабушку, которая только что связалась с ней ранее, для полного ознакомления с ситуацией. Бабушка подчеркнула несколько раз, что эта травма не представляла опасность для жизни.

Я записал в мои развёрнутые тетрадки по математике местонахождение и название больницы, в которую она была доставлена.

Моя бабушка сказала мне немедленно съездить в больницу и повесила трубку.

Моя голова была в хаосе от этого внезапного события. Мои мысли пришли беспорядок.

... Момидзи пострадала? Почему? Что мне делать?

— Нацухико, что-то случилось? Ты сказал «пострадала» и всё такое...

Акито, который подошёл ближе, прежде чем я понял, говорил с беспокойством.

Теперь я наконец-то заметил, что я собрал всё внимание в классе.

— Что мне делать... Момидзи пострадала и доставлена в больницу...

Глаза Акито на мгновение расширились, и он сразу же сделал серьёзное выражение.

— Ты знаешь, где находится больница?

— Э, а-ага.

— Тогда поторопись.

— Н-но...

— Никаких «но». Я скажу учителю. Ты ведь её старший братик, да?

Акито хлопнул меня по спине. Хаос сдулся.

— На такси, вероятно, будет быстрее всего, у тебя есть деньги?

— Ага. Всё в порядке. ... Эм, спасибо, Акито.

Не говоря ни слова, Акито лишь улыбнулся и показал большой палец вверх.

Я схватил свою сумку и выбежал из класса на такой ноте.

Когда я прибыл в больницу, медицинское лечение Момидзи закончилось.

Момидзи упала со школьной лестницы, её отвезли в больницу, потому что она временно то была, то теряла сознание, в итоге она получила удары по рукам, ногам и множеству других мест. По словам доктора, то, что она не ударилась лицом — уже положительный момент.

— Я рад... что всё не так серьёзно...

Хотя её руки и ноги были обмотаны бинтами, я почувствовал облегчение, увидев здоровое состояние Момидзи.

Увидев моё поведение Момидзи надула губки и щёки.

— ...Ты опоздал.

— П-прости. Было трудно взять такси...

Момидзи казалась обиженной на мой запоздалый приезд.

Будь это версия Момидзи пораньше, мне казалось, что она не вела бы себя вот так. Думаю, в глубине души она хотела, чтобы её старший братец пришёл побыстрее, а это было её поведение, выражающее такую милоту.

В последнее время Момидзи кажется гораздо милее ко мне. До сих пор это могло проходить окольно, но она начинает выражать привязанность напрямую, — вот как это ощущается. Она входит в мою комнату посреди ночи и ещё прокрадывается в мой футон.

Возможно, она пытается скрыть печаль от потери Соры.

— ... Брат, ты дисквалифицирован.

Когда она сказала это, крепко схватив край моей одежды, я подумал, что Момидзи невероятно миленькая.

На обратном пути из больницы вместе с дедушкой и бабушкой, которые приехали в больницу намного раньше меня, наша четвёрка остановились в ресторанчике, а Момидзи, которой специально дали шоколадное парфе, в мгновение ока пришла в хорошее настроение.

Мы весело проводили время вместе как семья, — я подумал о карте.

Почему карта не предсказала что Момидзи пострадает?

Предсказание будущего, которое появилось на карте прошлой ночью, было таким: из-за того, что СМИ снова устроят в засаду, я должен пойти в школу по совершенно иному маршруту, — во таким было содержание. И это при том, что получение травмы Момидзи было для меня куда печальнее, чем оказаться в окружении СМИ.

Разве предсказания карты не безупречны, в конце-то концов?

А может, учёт предсказания несчастья некорректен?

... Без понятия.

Но даже не получив ответа, я всё равно не перестану переворачивать карту.

На обеде следующего дня я проинформировал Акито о ушибе Момидзи.

— Они сказали, что выздоровление займёт где-то две недели. Кажется, что ни один из рубцов не необратим.

— Вот как. Я рад, что всё не так серьёзно, — сказал Акито, опираясь на шкафчики в задней части класса. — Должно быть, приятно иметь маленькую сестру.

— Акито, а ты единственный ребёнок?

— Агась. Я завидовал родным братьям и сёстрам ещё с тех времён, когда был мальцом. ... Эх, да уж, — как будто он что-то вспомнил, лицо Акито внезапно стало серьёзным. — Нацухико, ты же состоишь в клубе настольных игр, да?

— Ага, а что?

— Ну, ты не слышал? Дом бучо клуба настольных игр загорелся.

— Э!?

Я впервые об этом слышу.

— К-когда это случилось?

— Ты не знал? Вроде, сам бучо получил травму позавчера, он пришёл в школу, перемотанный бинтами, вот что сказал мне мой сэмпай из футбольного клуба.

С тех пор как наступил декабрь, я ни разу не участвовал в клубных мероприятиях.

У меня много воспоминаний о Соре в клубной комнате, естественно, я посещал её крайне редко, я практически не общался ни с кем из соклубовцев.

Услышав эту историю от Акито, я поспешил в класс бучо во время моей следующей перемены.

У бучо, которого я нашёл в кабинете третьегодок, как мне и рассказали, голова и рука были обмотаны бинтами, и когда я окликнул его, он шибко хохотнул: «О, Сидо! У тебя порядок?».

Я почувствовал облегчение при неизменном состоянии привычного бучо.

Что я слышал, так это то, что огонь перекинулся от соседнего дома, семья бучо с их имуществом смогла выбежать и все были в безопасности. Пострадал лишь бучо, потому что он пытался вынести из своего дома настольную игру лимитированного выпуска, и как видно, он выбежал поздно. Вот ведь, история прям в духе бучо.

Сейчас бучо, пришедший в школу из дома своих родственников был здоров, за исключением ран, и сказал: «Приходи в клуб. Я и другие соклубовцы ждём тебя!», — выражая беззаботную улыбку.

В итоге я дал завуалированный ответ, и покинул класс 3-годок.

... Опять это случилось.

Карта не предсказала этого, опять.

Если бы она предсказала, что дом бучо загорится, я бы смог сберечь его, разве нет?

Разве всё не закончилось тем, что бучо получил травмы?

Карта вообще не предсказывала несчастья окружающих меня людей.

Несмотря на то что это, вне всякого сомнения, должно быть и моим собственным несчастьем.

Мои сомнения становились всё больше. Настолько больше, что я больше не могу это держать.

◇

Одна-единственная карта передо мной.

Сейчас половина одиннадцатого вечера. Поверхность карты снова белая.

Настолько белая, что сплошь пустая, я смотрел на неё, лежащую на татами на моей кровати.

— Маки-тян, — я тихо прошептал.

Моё текущее состояние сейчас такое же, как когда я увидел в нём сон с Маки-тян.

Пусть даже мне и самому кажется это глупым. Такой девушки, как Маки-тян, на самом деле не существует. Пусть даже она всего лишь иллюзия, которую я создал во сне.

Но я чувствую, что у меня нет другого выбора.

Узнав о пожаре в доме бучо, я думал об этом несколько дней. Весь вчерашний день, субботу, я размышлял о том, как это ложится — как и сейчас — вот к какому выводу я пришёл.

Я думаю, что предсказания карты будущего вернули обратно мир в мою жизнь.

Тем не менее смерть Соры, травма Момидзи, пожар в доме бучо, — несмотря на то, что это были несчастные для меня инциденты, карта не предсказывала их.

Да и начнём сперва с того, что чёрт возьми это за карта. Кто дал её мне?

Говоря о уликах к решению ответа, перед тем как я заполучил карту, мне приснился этот сон. Был только этот сон с девушкой по имени Маки-тян.

Я медленно закрыл глаза. И потом я воззвал глубоко в своё сердце.

... Маки-тян. Ответь мне.

Мрак под моими веками. Звук часовых стрелок. Слабый шум, издаваемый флуоресцентной лампочкой.

Прошло несколько минут, — вот что я чувствовал.

... Ничего не происходит.

В этом и впрямь не было никакого смысла. Я сдался и открыл глаза.

—?

А затем я вскочил.

Моя кровать окрасилась в монохромный цвет.

В мире, где всё было организовано в два тона: чёрный и белый, я и...

— Так ты нашёл Руму-тян, Нацухико?

Только эта девушка, что сидела рядом со мной и обхватывала колени, была ярко окрашена.

— Маки-тян...?

— Правильно. Я Маки-тян.

Красные волосы, белая кожа, однотонная одежда, а также, в отличии от её сногшибательной внешности, детская улыбка. В отличие от того раза, когда я видел её в школьном медпункте, на ней не было белого халата.

Такой же внешний вид, как и в первом сне, который я видел. ... Нет, я определился. Это был не

сон.

Маки-тян действительно существует.

— Эй, Нацухико. Где Рума-тян?

Похоже, она до сих пор разыскивает ту, кем является Рума-тян. И когда я позвал её с наступлением ночи, она должно быть подумала, что это связано с тем, что я нашел Руму-тян.

— Нет. Ты ошибаешься, Маки-тян. Я не нашёл эту девушку «Руму-тян».

— ... Чего-о-о-ось? — Маки-тян нахмурила лоб и наклонилась своим телом в мою сторону, теперь её ноги разлеглись по полу. — Что ты такое говоришь? Ты её не нашёл? Разве ты не поэтому позвал меня?

— Прости. Я ещё не нашёл её.

— Ну во-о-о-о-о-от.....

Исходя из пыхтения и того как, она куксится...

— Ну и, тогда зачем ты мне позвал!

Надув щёки, она раскрыла свой злость.

— Я хотел спросить тебя насчёт этой карты.

— Карты? ... А-а-а, ты про это?

Глянув на карту, которую я держал в руке, она изобразила лицо, как будто её надежды не оправдались.

— Это же кое-что, что сделала ты, Маки-тян?

— Правильно, — подтвердила она, быстро. — А-а, но, а может и не я.

— Эх. Так которое?

— Ну, это инструмент, который исполняет желание Нацухико. Возможно, это «что-то, что было

сделано по желанию Нацухико». Кроме того, почему в этот раз ты здесь.

— По моему желанию.

— Ага. Так сказал Нацухико, верно? Ты боишься завтрашнего дня. Таким образом, ты пришёл, чтобы убежать от пугающих вещей завтрашнего дня.

Показ одного несчастного события, которое произойдёт завтра, и средств его избежания.

Ошибки быть не может, такова сила карты, — вот так я подумал.

... Нет, это неправильно. Я допустил ошибку.

Карта не предсказала смерть Соры, травму Момидзи и пожар в доме бучо.

— Если то, что ты говоришь — правда, Маки-тян, то эта карта, вероятно, не работает так, как надо. Я испытываю несчастье, — сказал я, сдерживая желание обвинить её с криком, глаза Маки-тян расширились.

— Не может быть! Она сломана!? Может это фабричные дефекты!?

— Т-так вот что случилось?

— Нет! Не может быть!

... Эта девка, она должно быть шутит надо мной.

— Маки-тян — богиня, стало быть то, что создаёт бог, не может ломаться. Это наверняка какое-то недоразумение Нацухико.

— Это не так! — мой тон немного огрубел.

— Воу. Не повышай голос вот так внезапно. Это раздражает~

Это недовольное лицо, оно и впрямь действует мне на нервы.

— Я потерял кое-кого, ты же знаешь! Кое-кто важный для меня! Правда, важный для меня... Жизнь Соры была для меня гораздо важнее моей собственной!

— ... Почему?

— А?

Моё сердце остыло в мгновение ока от выражения Маки-тян застигнутой врасплох.

Она выглядела так, словно взаправду не знала. Как будто она честным образом спрашивала: «Почему?».

— Может ли смерть этой девушки «Соры» быть несчастьем для тебя?

Почему ты спрашиваешь о таком? Разве это не очевидно?

— Почему?

— Чт... что значит «почему»...?

— Сора-тян умерла. А Нацухико жив. Смерть Соры-тян — это несчастье для Соры-тян, это же не связано с Нацухико, правильно?

— Что ты такое... говоришь...?

Я не мог понять, что хотела сказать Маки-тян.

— Сора была моей девушкой, ты понимаешь? Когда умирает твоя девушка, очевидно же, что это несчастье...

— Почему? Почему ты так чувствуешь?

Он спрашивала чистейшими глазами, я запнулся. Она спрашивала снова и снова, но я не мог объяснить.

Нет, это неправильно.

Мне и не надо это объяснять. Возлюбленные, друзья, возлюбленные, братья и сёстры... подобные люди вокруг меня — это люди, которые, как мне кажется, гораздо важнее меня. Мне кажется, что несчастье этих людей — моё несчастье. Что-то такое она должна понимать и без моего объяснения.

Человек, который всегда жил один — это не человек, он просто ничто.

— Это единственное несчастье, о котором говорит Нацухико? Смерть Соры-тян, всего-то?

— Всего-то..... Да ты...

Теперь-то, я, наконец осознал, вопрос, который я, естественно, должен был задать.

... Что есть Маки-тян?

— Если это всё, то карта не сломана. Слава тебе господи, а то я забеспокоилась~.

Фу-у, — она показушно вытерла пот.

— Желание Нацухико было целиком исполнено. Я к тому, что только Нацухико жил в мире, верно? Если бы ты умер, ты бы не смог этого сделать, правильно? Коли это так, то всё нормализовано. Даже если люди, не считая Нацухико, испытывают несчастье, это не связано с Нацухико.

Маки-тян улыбнулась ярким оскалом.

— Ты, серьёзно.....

Я не был уверен, шутила она или нет.

Маки-тян правда богиня?

Маки-тян есть бог, а бог — это единственное в своём роде безупречное существо. Получается, она этого совсем не понимает, — образа мышления, что есть что-то важнее, кроме тебя самого.

Маки-тян не понимает важность других людей.

Карта безошибочно предсказывала моё собственное несчастье. Она предсказывала только моё несчастье. Смерть Соры, травму Момидзи, пожар в доме бучо, карта не признала, что для меня это тоже было несчастье, и всё.

— Тут уж я ничего не могу поделать. Цена.

Маки-тян опять начала обхватывать свои коленки и заговорила со мной, кто потерял дар речи.

— Разве я тебе не говорила? Тебе придётся использовать свои МР, если ты хочешь использовать эту способность. ... Ась? Пожалуй, я немного припозднилась. Ну, и так сойдёт.

— Что ещё за «цена»? — я сказал, глядя в глаза Маки-тян.

Её зрачки излучали чистое сияние, прямо как отполированный драгоценный камень.

— Цена — это просто слово.

— ... Когда я использую карту, ничего плохого не произойдёт?

— Ничего плохого не будет. Единственное, что произойдёт, это вещи, не связанные с Нацухико.

— И какими они будут?

Маки-тян сделала жест, как будто она не знала, как ей правильно это объяснить.

Она сказала «вещи, не связанные со мной».

Но я думаю, что они, без сомнения, будут вещами, связанными со мной.

— Вместо Нацухико несчастье будет у других людей... только и всего.

Улыбаясь сказала Маки-тян.

— Предсказание будущего не может провалиться, ты же знаешь, да? Если написано, что Нацухико пострадает, то Нацухико пострадает. Какое несчастье. Однако способ сделать так, чтобы ты не испытывал несчастья, не может провалиться.

Маки-тян сказала с прекрасной улыбкой.

— У карты есть две силы. Сила предсказывать будущее и сила менять его.

Маки-тян сказала с невинной улыбкой.

— Во-первых, она предсказывает будущее. Например... будущее в котором Нацухико пострадает, или что-то типа того. Если ты ничего не сделаешь, Нацухико пострадает, как это и было предсказано, и быть несчастью.

Маки-тян сказала с жизнерадостной улыбкой.

— Затем в игру вступает сила, способная изменять. Если ты полностью подчинишься тому, что

было написано на карте, Нацухико изменит будущее, в котором ты пострадаешь, и не быть несчастьем. Разве это не удивительно? Даже если правильно предсказанное будущее абсолютно, ты можешь изменить его.

Маки-тян сказала с мимолетной улыбкой.

— Ну так вот, а что же происходит, когда будущее меняется? Когда ты меняешь будущее со второй половиной, интересненько, куда же уходит несчастье, которого Нацухико избежал? Думаешь, оно исчезает?

Маки-тян сказала с очаровательной улыбкой.

— Ответ в том... что оно не исчезает. Такова структура коробки. Потому что такова структура мира.

Я уставился на улыбку Маки-тян.

Лишь её улыбка сменилась на оскал. Подобно калейдоскопу.

— Я говорю о принципе причинности, но раз уж Нацухико глупенький, ты, наверное, и не знаешь, что это такое, так? Проще говоря, Нацухико удалось избежать несчастья, но вместо этого оно произошло с людьми, что близки к Нацухико. Но раз с Нацухико ничегошеньки несчастного вообще не случилось, всё нормализовано.

Кто-то раньше говорил такое.

Безупречное предсказание будущего не может быть полностью изменено.

Если Маки-тян — богиня, и предсказания будущего, которые она мне даровала, безупречны, аналогичным образом безупречна и сила менять несчастное будущее, которая была ею дарована.

И чтобы уравновесить это противоречие, мир исказился.

Я избежал несчастья, исказил и напал на Момидзи, и причинил ей боль.

Я избежал несчастья, исказил и напал на бучо, и вызвал пожар.

Все испытали несчастье вместо меня.

... В таком случае, что насчёт Соры? Смерть Соры, это была моя...

— Перестань!!

Не думай. Не думай. Не думай.

Это был просто несчастный случай. Он не был связан со мной. И не с Сорой.

— Хм. Нацухико из-за чего-то несчастлив?

Пока я держался за голову, Маки-тян заглянула мне в лицо снизу.

— Может ты снова думаешь, что карта сломана? Не старайся...

Маки-тян достала тетрадь из пустого места.

— Вот, глянь-ка на это.

Сказав это, на тетради, которую она протянула, было написано «Чистый лист тетради».

— Я составила в ней список несчастья, которого Нацухико избежал до сегодняшнего дня, и людей, которые испытали несчастье вместо тебя, погляди.

Маки-тян открыла тетрадь.

На белых страницах была написана таблица с волнистыми линиями и детским почерком.

— Слева даты. Рядом с ними несчастье, которое Нацухико избежал. А рядом с этими имена людей, которые испытали несчастье, и как они его испытали.

Когда она указала тонким пальчиком, Маки-тян любезно объяснила, как пользоваться таблицей.

Я погнался за движением её пальчика своими глазами.

Не смотри!

Кто-то заорал глубоко в моём сердце.

Однако мои глаза нашли эту колонку.

Даже при том, что я пытался игнорировать её, я всё же отыскал правду, которую совершенно не хотел принимать.

Дата: день смерти Соры.

Я избежал несчастья: смерть от того, что меня переехал поезд.

Человек, который испытал несчастье вместо меня: Сора Фусими.

Было написано, что Сора умерла вместо меня.

— Гляди. Ты полностью избежал несчастья, не так ли?

Маки-тян сказала, выражая улыбку.

Ухмыляясь, ухмыляясь.

Её улыбка воистину, прямо-таки, очаровала меня.

Интерлюдия: Наша политика возмездия

Он заговорил тихим голосом.

— Убей.

Кого?

— Всех.

Зачем?

— Потому что я решил, что это за возмездие.

Какое возмездие?

— Возмездие за её убийство!

Он пожелал с выражением, которое я увидела впервые, с голосом, который я увидела впервые.

Скорее всего, он любил её.

Поэтому, чувствуя боль от её потери, он закричал.

Любовь.

Чувство, которое я не могу понять. Я понимаю, что это бессмысленное чувство.

Пылающий в его сердце огонь грусти и гнева, который изменился.

— Начни возмездие.....!

Я не могу удовлетворить его желание.

Стать инструментом для такого.

Целями возмездия, которые он указывал, были несколько десятков человек.

От машиниста, который сбил её и убил, до очевидцев, которые только видели произошедшее, это было бесчисленное множество.

Я даровала этим людям подходящее возмездие.

Взгляд на мир, восприятие существования, манипулирование вероятностью, исполнение возмездия.

Однако я не могу создать исход, которого он желает, возмездие для этих целей.

— Почему! Почему ты не убьёшь их! Эти люди убили её! Это возмездие должно быть достигнуто их жизнями!

Даровать смерти, которые он желает — жизни десятков людей в обмен всего на одну жизнь.

Остальные люди не совершили столь много зла, за что должны были расплатиться смертью, — вот как всё должно быть.

— Это не правда!

Разъярённый, он ударил меня, ту, кто всё так же стояла на месте.

Я рухнула на пол, навалившись на меня, он ударил меня гораздо сильнее.

— Они...! Они убили её! Они убили! Эти люди убили!

Снова и снова, по моей голове наносились толчки.

Они не причиняли боль. Мои сломанные зубы, мои щёки, измазанные моей кровью, мой раздавленный нос, немедленно вернулись в норму.

— Убить её, это худшее из возможных зол!

Мой затылок сильно ударился об пол, на мгновение моё зрение окрасилось в черноту.

Я почувствовала, как капли крови стекают по моей щеке. Это была не моя кровь. Кожа на его руке, должно быть, рассеклась.

Пытаясь сломать меня, вместо этого сломался он.

— Она была... единственным... человеком, который понимал... меня... мою...

Незаметные капельки, отличающиеся от крови, упали на мою щеку.

— Убей их.....! Она достойны, умереть... ..!

Он плакал.

Жидкость, вытекающая из обоих его широко открытых глаз, упала мне на лицо. Она смыла его кровь.

— Хорошее за хорошее... плохое за плохое... возмездие, смерть за смерть...!

Пригодность. Карма. Принуждать тех, кто находится в мире, к силе возмездия.

Однако его желание более не было возмездием, оно стало местью.

Он жаждал этого. Непреодолимое желание для себя, я это прекрасно понимала.

Избавляясь от страданий, изо всех сил пытаюсь убежать от несчастья, это желания людей.

Я должна исполнить его желание.

Потому что я вещь, всего лишь для этого.

Закрывает свои глаза.

В темноте я увидела людей, которым он решил отомстить.

Там были мужчины. Там были женщины. Пожилые люди и дети.

Людям, которые не совершили столь много зла, им надо было даровать возмездие смерти.

Я вмешиваюсь в вероятность их окружения и вызываю изменения.

Усилить вероятность их смерти было на самом деле просто.

Таким действием, его желание отомстить, удовлетворяется.

Он вытер слёзы рукой, которой он ударил меня.

А после этого он снова начал бить меня.

Ни с грустью, ни со злобой, с опустошённым, словно оледеневшим выражением, незаинтересованный.

Я принимала насилие, дарованное им.

Я вещь, которая исполняет желания людей.

Просто, всего лишь вещь для этого.

Вещь, которая хочет продолжать жить как вещь только ради этого.

<http://tl.rulate.ru/book/25167/739505>